

Можно ли противопоставить смысл истине?¹

А.А. ПЕЧЕНКИН

Статья Л.А. Марковой начинается фразой «Возможна ли наука без субъекта и предмета?». Не совсем понятно, против кого направлено это высказывание. Наверное, против современной аналитической философии науки: Рудольфа Карнапа, Уилларда Куайна, их последователей и учеников. Действительно, эти специалисты по философии науки занимались логическим анализом научного знания. У них не было того, что у нас называется субъектом, у них не было и предмета как такового. Точнее, предмет рассматривался настолько, насколько он проступает в структуре знания. Основные результаты этих исследований – ограничительные. Карнап и Куайн формулируют тезисы, устанавливающие то, на что наше знание не может претендовать (различение внутренних и внешних вопросов существования, неопределенность перевода, онтологическая относительность и др.). В каком-то смысле эти тезисы похожи на знаменитые ограничительные теоремы метаматематики (теоремы Геделя и Тарского).

Философы науки, однако, часто используют те или иные эквиваленты понятия «субъект». В основном это те философы науки, которые создают те или иные схемы динамики научного знания. Так, например, Т. Кун пишет о научном сообществе как совокупности исследователей, объединенных парадигмой, И. Лакатос констатирует, что научно-исследовательская программа, находящаяся в состоянии стагнации, может, тем не менее, держаться на плаву усилиями ее сторонников, наконец, ученик Куайна Д. Дэвидсон использует понятие «субъектный язык», когда описывает

¹ Замечания представляют результаты исследования, поддержанного РГНФ. Проект № 08-03-0295а.

поставленную Куайном проблему перевода. Перевод в данном случае – это перевод с чужого языка на свой язык.

Надо также иметь в виду, что русское слово «субъект» плохо переводится на английский. Точнее – в английском языке много разных «субъектов», для каждого из которых есть свое слово.

Вторым отрицательным ориентиром в статье Л.А. Марковой служит философия науки, не использующая понятие истины. Разумеется, Л.А. Маркова знает, что одним из достижений философии науки XX века стало как раз определение истины, данное Альфредом Тарским, а также разработка этого определения в трудах Майкла Даммита, Дональда Дэвидсона, Хилари Патнема и других. Но Л.А. Маркова обращает внимание на те историко-социологические исследования науки, которые идут в русле «сильной программы социологии знания» Дэвида Блур, в духе проекта объединения эпистемологии, истории и социологии науки, заявленного в сборниках «Science in context». Они созвучны методологической установке Питера Галисона, вводящего понятие культуры экспериментирования в физике, отражающей технический и технологический уровень эпохи, страны, государства и оказывающей влияние на теоретические конструкции науки. Список таких историко-социологических проектов можно было бы продолжить.

Историко-социологические исследования действительно отодвигают вопрос об истине на задний план. Но ведь это оправдано! В них не стоит вопрос, каким образом устроено научное знание, каким образом знание обосновывается, не заострен вопрос, что делает из гипотезы теорию и т.д.? Существование науки для сторонников историко-социологического подхода – эмпирический факт. Обычно они и рассматривают становление таких теорий, научность которых бесспорна (например, «Математических начал» Ньютона). Их задача состоит в том, чтобы понять, каким образом и при каких исторических условиях появляется такой социальный институт как наука, что способствует его закреплению в обществе, каковы социальные и культурные «механизмы» формирования нового знания, что определяет появление новых фундаментальных теорий.

Ошибочно полагать, что понятие истины исчезает при историко-социологическом подходе. Упомянутый выше Д. Блур в своей «сильной программе» требует (одно из его четырех «основных правил»), чтобы социология знания объясняла как истину, так и заблуждение, как рациональность, так и иррациональность, как успех, так и поражение.

Л.А. Маркова считает, что историко-социологическое направление теряет понятие субъекта, что субъект науки «растворяется» в историко-культурном множестве людей, составляющих общество.

С этим также трудно согласиться. Обратимся к статье П. Формана «Веймарская культура, причинность и квантовая механика, 1918–1927 гг.», которую Д. Блур, выдвинувший сильную программу социологии знания, считает весьма важной. Форман четко очерчивает то, что можно назвать субъектом в отношении формирования квантовой механики. Это немецкоязычные физики и математики – в основном те, кто жил в 1918–1927 гг. в Германии. Он рассматривает адаптацию этих исследователей к «чуждому» интеллектуальному окружению, состоящему из гуманитариев, художников, литераторов Веймарской республики.

Сделанные замечания не направлены против правомерности той положительной программы, которая намечена в статье Л.А. Марковой. Как же теоретически может быть охарактеризован тот феномен, формирование и развитие которого прослеживают те, кто исповедует историко-социологический подход? Иными словами, как теоретически могут быть охарактеризованы теории и исследования, с которыми имеют дело те, кто работает в историко-социологическом ключе? Для Л.А. Марковой «Рождение науки совпадает с рождением смысла его элементов, что обеспечивается формированием *мыслительного поля* (М. Мамардашвили), или *полем референции* (Ж. Делёз)». Наверное, требуется уточнить: понятие смысла используется здесь не как логико-семантическое понятие, а, скорее, как понятие феноменологии.

К сожалению, выдвинутая Л.А. Марковой концепция не доведена до уровня «рабочей философии науки». Она не объясняет, каким образом ее концепция могла бы быть полезна при реализации историко-социологических проектов, как она позволила бы выявить и преодолеть трудности, встающие на пути их реализации.

Вместо этого Л.А. Маркова описывает ряд методологических экскурсов ученых XX века, которые различают организованную систему и ее хаотичное окружение. Наука и есть такая организованная система, где организация обеспечивается протекающей в ней смыслообразующей деятельностью. Эта часть статьи сама по себе интересна, но ее связь с теми философскими изысканиями, о которых речь шла выше, не выявлена.